

Sergei Kan. *Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist.* Series: Critical Studies in the History of Anthropology. Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 2009. 550 p.

Биография Льва Яковлевича Штернберга будет написана <...> Это будет страница истории русской революционной и научной среды.

(С.Ф. Ольденбург. Лев Яковлевич Штернберг — ученый и человек // Памяти Л.Я. Штернберга. 1861–1927. Л.: АН СССР, 1930. С. 21)

Уверенность С.Ф. Ольденбурга в том, что биография Л.Я. Штернберга будет непременно написана и изучена в контексте развития науки и общественной жизни, в полной мере реализовалась через 79 лет в работе Сергея Кана “Lev Shternberg: anthropologist, Russian socialist, Jewish activist. Series: Critical Studies in the History of Anthropology”.

Сергей Кан — профессор антропологии Dartmouth College, известный как специалист по культуре и истории тлинкитов, русских миссионеров на Аляске, методологии и этике этнографических исследований североамериканских индейцев. История культурной антропологии и фигура Л.Я. Штернберга в частности вошли в круг его научных интересов еще в годы учебы в аспирантуре Чикагского университета в конце 1970-х гг. (Р. xiii). Научный руководитель С. Кана Д. Стокинг был первым, кто начал систематически и детально изучать

Елена Алексеевна Михайлова

Музей антропологии этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
academsecretary@kunstkamera.ru

не только биографии и отдельные теории ведущих антропологов, но и культурные, политические и экономические факторы, влиявшие на их теоретические взгляды, полевую работу и взаимоотношения как внутри научного сообщества, так и с людьми, культуру которых они изучали [Кан 2003: 4].

К штернбергской теме С. Кан вернулся вновь в начале 1990-х гг., участвуя в проекте, инициированном “Arctic Studies Center” Смитсониена в связи со столетним юбилеем Северо-Тихоокеанской экспедиции Ф. Боаса (экспедиции Джезупа) [Кан 2000; 2001; 2004; Кан 2003; 2004; 2007а; 2007б]. Опубликованная в 2009 г. книга, таким образом, явилась плодом многолетних целенаправленных исследований, результат которых впечатляет и вызывает чувство глубокого уважения к автору.

Объемный труд (550 страниц) состоит из девяти глав, введения и заключения. Структура книги построена хронологически: от ранних лет (первая глава — «Ранние годы») до последних лет жизни Л.Я. Штернберга (восьмая глава — «Период НЭПа и последние годы жизни Штернберга»). Девятая глава включает раздел, посвященный смерти и похоронам Л.Я. Штернберга, а также эпилог, в котором оценивается судьба интеллектуального наследия Л.Я. Штернберга. Издание снабжено впечатляющим списком литературы, а также значительным количеством архивных фотографий.

Книга написана в жанре интеллектуальной биографии. Жанр этот, вполне традиционный для европейских и американских ученых, в российской научной среде практически не освоен. Отсутствуют у нас и книжного формата биографии крупных ученых-этнографов, за исключением Н.Н. Миклухо-Маклая.

Собственно, биография Л.Я. Штернберга — это только одна из частных задач, которые решает С. Кан для достижения цели более высокого уровня. Языковой барьер и еще в большей степени пропасть (*gap*), разделявшая российскую и западную антропологию с начала 30-х и до середины 80-х гг. прошлого века, сделали впечатляющую и часто трагическую историю русско-советской этнографии практически недоступной иноязычной аудитории. Свой вклад в изучение истории антропологии С. Кан видит в том, чтобы включить в эту историю и периферийные (с точки зрения американских и европейских исследователей) модели развития науки и ее функционеров (Р. xv—xvi и др.).

Цели и задачи исследования определяют колоссальный объем привлеченных данных и охват анализируемого материала. Контекст, в который вписана жизнь и деятельность Л.Я. Штернберга, включает в себя политическую и социаль-

ную жизнь России, историю развития российской, западно-европейской и американской антропологии (этнологии, этнографии) конца XIX — первой трети XX в., а также «биографии» тех институтов, с которыми Л.Я. Штернберг был связан в большей или меньшей степени.

Русскоязычная часть историографии, в которой представлено немало интересных публикаций, имеет известную специфику, связанную с тем, что основная часть работ была издана при советской власти, ряд из них — в 30-е гг. XX в. Работа советских ученых неизбежно сковывалась идеологическими рамками, часто заставлявшими даже самых видных из них обходить, замалчивать не вписывавшиеся в эти рамки темы и факты, представлять акценты определенным образом.

Особое место в серии публикаций биографического характера занимают статья вдовы Л.Я. Штернберга С.А. Ратнер-Штернберг [Ратнер-Штернберг 1927] и документальная повесть его ученицы Н.Г. Гаген-Торн [Гаген-Торн 1975]. Обе публикации, подготовленные людьми, хорошо знавшими Л.Я. Штернберга, являются ценным источником информации о личности крупного ученого и незаурядного человека. С.А. Ратнер-Штернберг достойно выполнила сложную задачу. Она подготовила очерк, соответствовавший духу времени и не слишком искажавший факты жизни и идеи Л.Я. Штернберга. Н.Г. Гаген-Торн, издавшая свою книгу много позже и имевшая несколько большую степень свободы, также по понятным причинам не могла осветить все стороны жизни и деятельности Л.Я. Штернберга.

Дескриптивный аспект научной деятельности Л.Я. Штернберга продолжали развивать его последователи в деле изучения этнографии нивхов и других народов Амура — Е.А. Крейнович, Ч.М. Таксами, А.В. Смоляк и др. Эти исследователи, также занимавшиеся сбором полевых и архивных материалов, с большим пиететом относились к заслугам Л.Я. Штернберга, но серьезно критиковали его за гиперболизацию архаической природы социальной организации нивхов конца XIX в. (Р. 435—436).

Абсолютно закрытой темой оставалось семитофильство Л.Я. Штернберга и его участие в легальном и нелегальном еврейском движении в России. В последние годы, свободные от ограничений такого рода, появилась лишь одна обобщающая статья российских исследователей, посвященная Л.Я. Штернбергу [Сирина, Роон 2004].

История российской этнографии позднего дореволюционного и раннего послереволюционного периода наиболее адекватно представлена монографией Т.Д. Соловей [Соловей 1988].

Недостатком работ по истории российской науки даже последнего десятилетия является тенденция рассматривать идеи и деятельность ученых в контексте одной страны, а не мировой науки и истории, как это впервые сделано в рецензируемой книге. С. Кан опубликовал и несколько статей на русском языке [Кан 2003; 2004; 2007а; 2007б].

В англоязычной части историографии присутствуют две ключевые фигуры — Б. Грант и С. Кан. Грант в 1990-х гг. проводил полевую работу на Сахалине, а также работал с рукописями Штернберга в Санкт-Петербургском филиале архива РАН. Результатом этой работы стали книга и статьи, в которых рассматривались полевые исследования Штернберга и его теоретические взгляды [Grant 1995; 1997]. Он же подготовил аннотированное издание «Социальной организации гиляков», которое предназначалось Ф. Боасом для «Трудов Северо-Тихоокеанской экспедиции» [Shternberg 1999].

Работам Гранта свойственны недостатки другого рода. Он не принял во внимание некоторые аспекты российской и советской политической и социальной истории. Были у него и сложности с пониманием почерка Штернберга, породившие ряд фактологических ошибок и неточностей, вкравшихся в его оценки и анализ жизни научного наследия ученого (Р. XIX–XX).

Достоинства и недостатки всех работ, представляющих историографию темы, проанализированы в предисловии и в историографическом разделе работы (глава 9, раздел «Наследие Штернберга в постсталинское время»).

В своем исследовании С. Кан опирается на максимально широкий круг источников. Особенности историографической базы, а также, разумеется, добросовестность ученого определили необходимость опираться в первую очередь на первоисточники: архивные материалы и труды Л.Я. Штернберга. Это одно из многих достоинств книги.

Биография ученого подразумевает концентрацию внимания исследователя на научной работе Л.Я. Штернберга. С. Кан в соответствующих главах и разделах подробно останавливается на лингвистических и этнографических полевых изысканиях Л.Я. Штернберга на Сахалине, а затем и на Амуре, на его исследованиях, касающихся социальной организации и духовной культуры нивхов, их языка и фольклора.

Подробно проанализированы труды Л.Я. Штернберга (опубликованные и неопубликованные). Научная деятельность Л.Я. Штернберга рассматривается очень критично с точки зрения надежности собранных им материалов и обоснованности

их интерпретации. Иногда степень критичности превышает принятую у нас в отношении столь крупных фигур.

Л.Я. Штернберг вошел в историю науки как последовательный сторонник эволюционизма. В отечественной традиции до последнего времени считается, что основные труды ученого отличаются теоретическими обобщениями в рамках эволюционной теории [Сирина, Роон 2004: 50]¹. Как известно, эволюционизм господствовал в российской этнографии и много позднее того, как западные антропологи стали его критиковать и отказались от него. Л.Я. Штернберг от эволюционизма никогда не отказывался и никогда не пересматривал своих взглядов на этнографический материал.

С. Кан рассмотрел теоретические взгляды Л.Я. Штернберга в широком контексте развития не только российской, но зарубежной антропологии. Это позволило нарисовать картину не столь однозначную, но более сложную и интересную.

Более внимательное и менее догматичное чтение этнографических текстов Л.Я. Штернберга по общей и сравнительной этнографии позволили С. Кану показать, что его эволюционизм сочетается с другими взглядами. В ранних статьях, например, с «народническим идеализмом». В более поздних работах (С. Кан очень интересно и подробно разбирает опубликованные и неопубликованные тексты его лекций) — не только с утопическим социализмом, но и с идеями Ф. Боаса, с приверженностью иудаизму. С. Кан показывает, как научное мировоззрение Л.Я. Штернберга видоизменялось в силу открытости ученого для новых методов и идей, популярных на Западе в 1910–1920-е гг. В последних статьях ученого («Избранничество в религии», «Айнская проблема») С. Кан нашел отзвуки идей антропологов-диффузионистов и даже представителей психологической антропологии типа Р. Бенедикт и Э. Сэпира.

Очень важно и то, что С. Кан не удовлетворяется известным тезисом о том, что Л.Я. Штернберг был преданным приверженцем народовольческой идеологии. Изучение записных книжек Л.Я. Штернберга, которые он вел во время тюремного заключения, и некоторых других архивных материалов позволило С. Кану существенно уточнить и изменить устоявшиеся представления об идеологических взглядах ученого. С. Кан доказывает, что Л.Я. Штернберг, будучи во многих отношениях типичным народовольцем, имел совершенно особенные взгляды, обусловленные глубоким интересом к роли религии в жизни общества и человека. И это был не просто интеллектуаль-

¹ Б. Грант был первым, кто подверг эволюционизм российских ученых вдумчивому и очень критичному исследованию.

ный интерес. Обычно народовольцы отвергали Бога и всякую религию. Они отворачивались не только от религии, но и от ценностей, свойственных их родителям и предкам.

Л.Я. Штернберг был человеком глубоко верующим. Его вера не была слепой, он размышлял на эту тему и был стойким приверженцем духовных и философских аспектов иудаизма. Мировоззрение Л.Я. Штернберга С. Кан трактует как причудливую смесь европейского прогрессивизма XIX в., российского народничества и еврейского либерализма (Р. 309). И центральную часть этого мировоззрения составляла идея приоритета духовных и морально мотивированных действий в сравнении с активностью, инспирированной основными инстинктами. Монотеизм (и особенно иудаизм) с его акцентом на веру и мораль, по мнению Л.Я. Штернберга, стоял выше «примитивных религий», которые выделяли ритуал и другие формы манипулирования духами и сверхъестественными явлениями.

В биографии, написанной С. Каном, если не исчерпывающе, то максимально полно рассмотрены все грани разносторонней деятельности Л.Я. Штернберга в их сложном взаимодействии. Среди множества сюжетных линий Л.Я. Штернберг присутствует одновременно и как социалист, и как еврейский активист. Эти роли очень осложняли его жизнь, но оставались неразделимыми с деятельностью ученого.

Фундаментальная биография Л.Я. Штернберга — весомый и ценный вклад в изучение истории российской этнографии, сделанный американским ученым. Завершу рецензию обращенным главным образом к российским ученым призывом: «Теперь, когда архивы открыты и идеологические путы сняты, история российской и советской антропологии должна быть написана. Я надеюсь, что интеллектуальная биография Штернберга будет способствовать возобновлению интереса к его научному наследию, взаимосвязанным политическим и теоретическим аспектам его деятельности, а также тому, чтобы поместить российскую и советскую этнологию в более широкий исторический контекст нашей науки» (Р. 438).

Библиография

Гаген-Торн Н.Г. Лев Яковлевич Штернберг. Л.: Наука, 1975.

Кан С. «Мой друг в тупике эмпиризма и скепсиса»: Владимир Богораз, Франц Боас и политический контекст советской этнологии в конце 1920-х — начале 1930-х гг. // Антропологический форум. 2007а. № 7. С. 191–230.

Кан С. Новый подход к изучению жизни и деятельности Л.Я. Штернберга // Народы и культуры Дальнего Востока:

- Взгляд из XXI века. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2003. С. 4–17.
- Kan S.* Этнографические рассказы Л.Я. Штернберга // Известия института наследия Бронислава Пилсудского. 2004. № 8. С. 308–321.
- Kan S.* Лев Штернберг и Людвиг Крживицкий // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 2007б. № 2.
- Ратнер-Штернберг С.А.* Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук // Сборник МАЭ. 1927. Т. 7. С. 35–67.
- Сирина А.А., Роон Т.П.* Лев Яковлевич Штернберг: у истоков советской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М.: Наука, 2004. С. 49–94.
- Соловей Т.Д.* От буржуазной этнологии к «советской» этнографии. М.: Наука, 1988.
- Grant B.* In the Soviet House of Culture: A Century of Perestroikas. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Grant B.* Empire and Savagery: The Politics of Primitivism in Late Imperial Russia // In Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 292–310.
- Kan S.* The Mystery of the Missing Monograph: Or Why Shternberg's "The Social Organization of Gilyak" Never Appeared among the Jesup Expedition Publications // European Review of Native American Studies. 2000. Vol. 14. No. 2. P. 19–38.
- Kan S.* The "Russian Bustian" and Boas: Or Why Shternberg's "The Social Organization of Gilyak" Never Appeared among the Jesup Expedition Publications // In Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1202. Washington, 2001. P. 217–248.
- Kan S.* Lev Shternberg (1861–1927): Russian Socialist, Jewish Activist, Anthropologist // Bulletin: Anthropology, Minorities, Multiculturalism. Krasnodar: Kuban State University, 2004. P. 308–321.
- Shternberg L.* The Social Organization of Gilyak // Anthropological Papers of the AMNH. 1999. Vol. 82.

Елена Михайлова



Сваренный шаман, лживая рабыня и другие: 75 задач по фольклористике, антропологии, социолингвистике / Сост. А.С. Архипова, С.А. Бурлак, И.Б. Иткин, С.Ю. Неключдов, О.Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2010. 200 с.

Логика сна, тохарская метрика и механика научных открытий

«В одной персидской книге сказок рассказывается, как рабыня царя возвела ложное обвинение на царевича и царь, поверив ей, повелел казнить сына, однако визирь рассказал царю историю о коварстве женщин и убедил его не спешить с казнью». Рабыня (без покроя; с лицом, блиставшим, как зеркало; с пылающим сердцем; с бутылкой нефти) приходила несколько дней (когда с главы звезд сорвали покров ночи; когда зеркало-солнце появилось из футляра востока; когда хрусталь-солнце появилось из посудного шкафа небосклона; когда пламя солнца показалось на востоке) пыталась добиться казни. Если читатель соотнесет соответствующие понятия, например бутылку нефти и посудный шкаф небосклона, то ложно обвиненный царевич окажется спасенным, а фольклорный текст восстановленным. Читателю же (и «решателю») предлагаемых задач — иногда простых, иногда довольно сложных — предстоит понять, как функционирует фольклорный текст, узнать свойства мифологического мышления, проникнуть в тайны систем родства и языков народов мира, проходя шаг за шагом путь ученого, делающего научное открытие.

Данное издание, с одной стороны, вписано в достаточно развитую традицию публикации лингвистических задач¹. С другой — это

Никита Викторович Петров

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва
nik.vik.petrov@gmail.com

Наталья Сергеевна Петрова

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва

¹ См., например: [Бодуэн де Куртене 1912; Gleason 1955; 200 задач 1972; Журинский 1984; Алексеев 1991] и др.

первое масштабное применение «задачного метода» для изучения таких гуманитарных дисциплин, как фольклористика, антропология, социо- и этнолингвистика, культурология, история. В чем же, собственно, разница между этими двумя позициями?

В 1963 г. А.А. Зализняк назвал «специально составленные задачи» «важным средством обучения основным положениям и методам языкознания» [Зализняк 1963]. Он выделил две группы задач — на грамматический анализ текста на незнакомом языке и на внутреннюю реконструкцию. Задания такого рода отличаются от лингвистических упражнений на закрепление пройденного материала тем, что они направлены не на «проверку знания конкретных фактов рассматриваемого языка» [Зализняк 1963: 137], а на самостоятельное выявление языковых закономерностей. Другими словами, это самодостаточные задачи: их решение требует выполнения некоторых логических операций, а не специальных знаний и подготовки. Таким образом, путем «моделирования в упрощенных, искусственно созданных условиях многих элементов творческой деятельности лингвиста» воплощается принцип проблемного обучения [Задачи лингвистических олимпиад 2006: 5].

Самодостаточными являются также и многие фольклорные задачи, но здесь определение лингвистических правил не конечная цель, а лишь промежуточный этап решения. Задания такого типа знакомят решающих с разнообразными аспектами ранее неизвестных им культур (с социальной структурой общества, системами именования и времяисчисления, особенностями речевого этикета и особенностями фольклорного текста). Например, в задаче «Баскская семья» (№ 41) анализ грамматической структуры предложений помогает разобраться в специфике терминов родства.

Задачи, основанные на фольклорном и антропологическом материале, включаются в олимпиады для школьников, активно используются в учебных курсах в Институте филологии и истории, Центре социальной антропологии, на факультете лингвистики и в Центре типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета.

Некоторые фольклорные задачи, представленные в данном сборнике, ранее были опубликованы¹, другие впервые появились в печатном виде. Важен не сам факт наличия или отсутствия более ранних публикаций. Уникальность «Сваренного

¹ Например, в сборниках материалов Летних лингвистических школ или в задачниках Московской традиционной олимпиады по лингвистике.

шамана...» в том, что здесь представлена выборка заданий, проблематика которых выходит далеко за пределы лингвистики.

Несомненным достоинством задачника можно назвать системность подачи материала: сборник состоит из трех больших тематических блоков, разбитых на подразделы. Первый блок «Фольклор, миф, ритуал» включает в себя группы заданий, направленных на изучение мифа и ритуала; структуры, функционирования и стиховой организации фольклорного текста; семантики пространства. Разделы «Системы именования», «Системы родства. Термины родства», «Число в культуре», «Календарь и времяисчисление» формируют вторую, социально-антропологическую, часть сборника. В третьем блоке «Социолингвистика» рассматриваются такие темы, как «Тайные языки», «Речевой этикет», «Язык и общество».

Указатель народов и языков (С. 194–195¹) поможет найти задачи в соответствии с представленным в них этнокультурным и лингвистическим материалом.

Поскольку задачи различаются по степени сложности, составители посчитали необходимым обозначить это специальными знаками, чтобы облегчить выбор задания для определенной группы решающих.

Проблема проверки заданий частично осуществляется благодаря наличию в сборнике решений задач. Лишь частично — поскольку явления, которых касаются фольклорные задачи, «труднее поддаются формализации», чем строго лингвистические факты. Следовательно, «часто тот или иной ответ можно считать более разумным, более вписывающимся в систему, но его верность и тем более единственность нельзя строго доказать» («Предисловие» В.М. Алпатова, с. 12).

Несмотря на то что знание конкретных языков обычно не нужно² для решения задач, раздел «Краткие сведения о менее известных языках» (С. 196–198) кажется действительно необходимым в силу чрезмерной экзотичности использованного при составлении заданий материала. Кроме того, это повышает познавательную ценность рассматриваемого издания, из которого мы можем узнать, например, что «дияри — один из языков аборигенов Австралии, относится к семье пама-ньюнга. В настоящее время на нем говорит не более 12 человек, живущих в районе озера Эйр в Южной Австралии» (С. 196).

¹ Тут надо отметить неточность оглавления, в котором данный раздел отнесен к страницам 193–195.

² В качестве исключения можно привести задачу «Бабушка из Норвегии» (№ 39), для решения которой желательно знать обозначения матери и отца в европейских языках (английском, немецком, французском).

Если у опытного читателя (кандидата, доктора наук, члена-корреспондента АН) вдруг сложится впечатление, что задачи нужны только для обучения студентов, настоятельно рекомендуем систематически решить их все по порядку (не подглядывая в ответы!) — это верный способ новыми глазами посмотреть на свои научные исследования и найти изящный путь к решению сложной проблемы.

Библиография

200 задач по языковедению и математике. М.: МГУ, 1972.

Алексеев М.Е., Беликов В.И., Евграфова С.М., Журинский А.Н., Муравенко Е.В. Задачи по лингвистике. М.: РГГУ, 1991. Ч. 1.

Бодуэн де Куртене И.А. Сборник задач по «Введению в языковедение» по преимуществу применительно к русскому языку. СПб.: Студ. издат. ком. при ист.-филолог. фак. С.-Петербур. ун-та, Тип. В. Безобразов и К°, 1912.

Журинский А.Н. Морфология языков банту в лингвистических задачах // Аксенова И.С., Ветошкина Т.Л., Журинский А.Н. Классы слов в языках Африки. М.: Наука, 1984. С.99–130.

Задачи лингвистических олимпиад. 1965–1975 / Ред.-сост. В.И. Беликов, Е.В. Муравенко, М.Е. Алексеев. М.: МЦНМО, 2006.

Зализняк А.А. Лингвистические задачи // Исследования по структурной типологии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 137–159.

Gleason H.A. Workbook in Descriptive Linguistics. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1955.

Никита Петров, Наталья Петрова



Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. Т. 2 / Отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010. 333 с.

Марина Александровна Мамонтова

Омский государственный
университет
им. Ф.М. Достоевского
marina_mamontova@rambler.ru

Склонность современных гуманитарных и социальных наук к интеграционным, междисциплинарным исследованиям во многом вызвана обращением ученых к решению таких нетрадиционных проблем, как эволюция повседневных практик, соот-

ношение индивидуальных интенций и коллективного принуждения, «механизма рассмотрения того, как люди оценивают свою жизнь, самих себя, свой внутренний мир» [Пушкарева 2005: 93]. В ряду этих актуальнейших проблем и находится тематика рецензируемого сборника «Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования». Это уже второй том, подготовленный в результате разработки нового для отечественной науки исследовательского направления — антропологии академической жизни (см.: [Антропология академической жизни 2008]).

Редакции сборника удалось вписать его тематику в интеллектуальные поиски современного научного сообщества, которое обеспокоено изучением механизма производства научного знания, сохранением специфики своей профессии [Аллахвердян и др. 1998; Белов 1995; Зверева 1999; Савельева, Полетаев 2006; Человек 1998]. Еще в 1994 г. историком науки Д.А. Александровым для изучения «уклада жизни, совокупности обычаев, привычек, нравов ученых» была предложена такая категория, как «научный быт». Показательно, что автор связывал эту категорию с перспективным в социальной истории науки историко-антропологическим подходом и противопоставлял ее так называемому «этнографическому уклону», не принимая переноса «этнографического языка в сферу социологии науки» [Александров 1994: 4–5].

Во второй половине 1990-х гг. о научном быте заговорили и историографы, предложив альтернативное понятие — «историографический быт». В качестве предмета исследования предлагалось выбрать внутренний мир науки, «неявно выраженные правила и процедуры научной жизнедеятельности, которые являются важными структурирующими элементами сообществ ученых» [Корзун 2000: 20; Троицкий 1995: 164–165]. Использование этого понятия позволило расширить проблематику историографического исследования за счет детального изучения роли субъективного фактора в развитии науки, способствовало выходу исследователей истории исторической науки на уровень изучения социальных практик историков.

В последнее время в исторической науке появилось новое понятие — «профессорская культура», которое несколько расширяет горизонты «научного» и «историографического быта» за счет изучения сложившегося канона процедур и правил вхождения в научное сообщество [Корзун 2009; Сидорякина 2009]. Использование данной категории позволяет рассмотреть в эволюционном единстве несколько поколений ученых-историков, показать способы передачи основных норм историописания, социальных практик (таких, как забота о своих учени-

ках, соби́рание вокруг себя единомышленников в виде неформальных обществ — домашних кружков, журфиксов), норм поведения и тем самым демонстрирует многообразие коммуникативных связей внутри корпорации и трансформацию их в межкультурную коммуникацию. Выделенные понятия акцентируют внимание на личности ученого, который является одновременно и носителем, и транслятором, и основным «работчиком» ценностей своей профессии, строгим цензором «своего ремесла». Именно на эту сторону с неявно выраженными правилами и процедурами повседневной жизни ученого, которые, казалось бы, не имеют ничего общего с наукой, но в то же время определяют условия научной жизни, обращают внимание авторы рецензируемого сборника.

Разнообразие поднятых в связи с исследованием повседневности ученого проблем и аспектов предопределило структуру данного сборника, состоящего из четырех разделов и приложения. В первом разделе представлены теоретические поиски исследователей, связанные со своим ремеслом, корпоративными нормами и правилами, процедурами и жанрами историописания. С.В. Соколовский в статье «Автоэтнография и антропологическое исследование науки» в качестве альтернативы сложившемуся канону научного письма предлагает жанр автоэтнографии, позволяющий читателям «прочувствовать дилеммы авторского выбора и стать соучастниками событий в эмоциональном, этическом, эстетическом и интеллектуальном отношениях, получить более целостное представление о жизни того сообщества или личности, которые служат фокусом повествования» (С. 38). Противопоставляя автоэтнографию традиционному историописанию и собственно антропологии, автор относит ее, наряду с антропологией академии, к метаантропологическому проекту современности. Позволим себе заметить, что исследовательский инструментарий, представленный в статье, мало чем отличается от сугубо антропологических методов (например, позиция исследователя как рефлексивного субъекта, а не как объективного наблюдателя) (С. 36), отчасти нашедших свое применение в популярном направлении «истории повседневности»¹, которое значительно раньше заявило о себе в исторической науке и нашло широкий отклик как среди профессиональных историков, так и среди неискушенных читателей.

¹ Например, Н.Л. Пушкарева, характеризуя направление «истории повседневности», считает, что, «пользуясь психологическими приемами вживания и эмпатии в сокровенное и одновременно банальное, исследователь повседневности неизбежно творит более субъективированное знание, нежели знание, получаемое с помощью традиционного этнографического или исторического описания» [Пушкарева 2008: 48].

Для историографов, изучающих жизнь научного сообщества и исследующих процесс творчества самого исследователя, весьма привлекательным выглядит подход, предложенный Г.А. Комаровой и обозначенный как «антропология академической жизни» (ААЖ). Данный методологический подход акцентирует внимание на различных аспектах повседневной жизни ученых и научных сообществ, «предполагает <...> изучение конкретного способа существования “академического” человека, человека академического образа жизни, а также соционормативной культуры, совокупности ритуалов и повседневных практик <...> в сфере академической жизни» (С. 52). В своей статье исследовательница сетует на то, что «в российском этнологическом сообществе <...> необходимость антропологического взгляда на антропологию как научную дисциплину еще крайне мало осознана» (С. 52). Обращаясь с позиции историографа к этому замечанию, отмечу, что среди исследователей исторической науки данная проблема уже давно активно обсуждается на страницах ежегодного историографического сборника «Мир историка» [2005–2010], а также в ходе научных конференций «Историк в меняющемся пространстве российской культуры» [Историк в меняющемся пространстве 2006], «Мир историка: Владимир Иванович Герье» [Мир историка: Владимир Иванович Герье 2007] и др.

Редакцией сборника актуализирована и другая волнующая научное сообщество проблема, связанная с институализацией и выработкой единых критериев научности в формирующемся категориальном аппарате нового знания. Представительница постсоветской гендеристики Е.И. Гапова, демонстрируя на практике курьезные случаи интерпретации гендерных категорий (С. 65–67), пытается осмыслить причины размытости границ научного поля, вскрыть истоки категориальной путаницы в гендерных исследованиях. В своей статье она делает весьма ценное наблюдение, которое напрямую касается и заявляемых в сборнике новых направлений — антропологии академической жизни и автоэтнографии: научная область, у которой нет «своего организационного поля» и своего «когнитивного пространства», не имеет и «установленного “канона”», системы «оценки и рецензирования» (С. 77). Например, существование гендеристики вне академической структуры (в частности, вне пресловутого «списка ВАК») и учебного процесса низводит ее до уровня интеллектуальной беллетристики, что и позволяет любому желающему считать себя специалистом в этой области и участвовать в подобных штудиях.

Размышлениями над содержанием этой статьи навеян вопрос, который очень хочется задать исследователям антропологии академической жизни, автоэтнографии, профессорской куль-

туры, истории научного быта. Что же для нас будет выступать критерием научности? Каким образом можно будет объединить столь разные саморефлексии ученых по поводу своего ремесла, по поводу одного и того же объекта исследования. Отчасти пути решения такой непростой проблемы можно найти уже в предисловии к сборнику, где редактор предлагает «чаще навещать друг друга» (С. 11).

С представленными теоретическими размышлениями историков во многом перекликаются статья Э.Г. Александренкова «Зачем мы изучаем этнографию других стран и народов?» и эссе Е.А. Здравомысловой «Земной свой путь пройдя до половины...», авторы которых размышляют о профессии ученого, о специфике советской науки (истории и социологии). Многие наблюдения и выводы исследователей созвучны размышлениям историографов, акцентирующих внимание на уникальности советской эпохи, на тесном переплетении науки и политики (см.: [Сидорова 2008]). И все же представленные здесь сюжеты способствуют разрушению сложившегося стереотипа о тотальной идеологизированности советской науки и политической заданности исследовательских тем. Они показывают, что не столько государственный заказ и материальная поддержка способствуют развитию гениальных идей, сколько исследовательский интерес и энтузиазм ученого, его личный, не имеющий практической пользы императив: «Знать, чтобы знать».

Во втором разделе рассматривается диалектическая взаимосвязь исследователя и исследовательского поля. Причем в качестве исследовательского поля могут рассматриваться не только общности людей, но и само повседневное пространство исследователя с «ролевыми играми» и телешоу («андропарки»). Здесь на отдельных примерах поднимаются важнейшие проблемы профессии ученого. Среди них особый интерес вызывает статья В.А. Шнирельмана «Археолог в эпоху перемен: казус Аркаима», в которой ставится проблема модели поведения ученого, вынужденного делать непростой выбор между истинностью знания и практической пользой его работы (на чем еще с советских времен акцентировала внимание политическая власть). Размышления автора статьи касаются профессионального *credo* археолога и музейного работника, являющегося одновременно и исследователем, и популяризатором. Принимая разные варианты разрешения этой дилеммы (и составление захватывающего рассказа о музейных экспонатах, и создание муляжей, погружающих в историческую повседневность), В.А. Шнирельман выступает категорически против культивации особых религиозных чувств посетителей (С. 154–155). Обращение к оккультным знаниям полностью дискредитирует

значение науки и обесценивает кропотливый научный труд исследователя-археолога, что хорошо демонстрируется на примере археологического комплекса в Аркаиме.

Материал, представленный в статьях С.А. Арутюнова «Когда гора рождает мышь» и Н.В. Жуковской «Этнограф и поле: Господин Случай и его возможности», заставляет еще раз задуматься над извечными проблемами взаимообусловленности результатов исследования и процесса их получения, причем в данном случае речь идет об этнографах, у которых большая часть их научной жизни проходит в исследовательском поиске. Обращение к процедуре получения научного знания помогает раскрыть «темные пятна» отечественной науки, объяснить успехи и провалы творческого процесса, выявить причины забвения научных открытий и наблюдений.

Несколько непривычно выглядят статьи этого раздела, посвященные исследованию ролевых игр (Д.Б. Писаревская, «Исследование субкультуры ролевых игр: соучастие vs дистанция») и телешоу (А.А. Кузнецов, «“Андропарки” как объект антропологического изучения (опыт исследовательской саморефлексии)»), в которых авторы предстают одновременно и как участники, и как пытливые исследователи. Исходя из постулата, что «жизнь — не более чем гигантская студия и все мы в ней актеры, играющие самих себя» (С. 203), авторы оказываются по-разному погружены в свое исследовательское поле. В зависимости от этой погруженности и актуализируются те или иные проблемы. Например, у Д.Б. Писаревской это проблема баланса «между ролью участника и ролью наблюдателя, находящегося на определенной дистанции» (С. 224), у А.А. Кузнецова (который был не участником телешоу, а заинтересованным наблюдателем) — проблема влияния «андропарков» (реалити-шоу) на массовую социализацию личности (С. 207).

В третий раздел вошли исследования, посвященные описанию разных сторон академической повседневности. В большинстве из них изучаются правила и нормы научного сообщества, проявляющиеся на микроуровне (профессорская семья, кафедра археологии и этнологии Одесского национального университета им. И.И. Мечникова, сотрудники ЦНСИ). Особого внимания заслуживает статья В.П. Корзун и Д.М. Колеватова «Профессорская семья: стиль жизни, ролевые функции в поле научной повседневности», в которой авторы обратились к решению проблемы формирования и преемственности «базовых научных ценностей» на уровне отдельно взятой семьи (Лаппо-Данилевских). Представляя профессорскую семью как социокультурный феномен, исследователи сумели продемонстрировать усвоение особых интеллектуальных процедур

от отца (профессионального историка, методолога А.С. Лаппо-Данилевского) к сыну (известному математику И.А. Лаппо-Данилевскому) благодаря сформировавшейся внутри семьи интеллектуальной (профессорской) культуре, в которую были вовлечены не только сами ученые, но и их жены и дети. Извечный вопрос, волнующий психологов, педагогов: «Как вырастить талант, ученого, неординарную личность?» — частично находит свое разрешение в изучении профессорской семьи, ее повседневности, научного быта, где и младенцы ползают «не так <...>, а конституционно и позитивистически» (С. 228).

Исследования Г.Н. Стояновой и А. Золотовой посвящены изучению современных корпоративных правил небольших научных коллективов. В статье «Этнолог: от повседневных практик к профессиональным традициям» Г.Н. Стоянова рефлексировывает по поводу стиля жизни и поведения небольшого этнологического коллектива — преподавателей кафедры археологии и этнологии Одесского национального университета им. И.И. Мечникова. Согласимся с мнением Г.А. Комаровой, что здесь — то как раз автор и апробирует новый жанр, предложенный ее коллегой С.В. Соколовским — жанр автоэтнографии.

Изучая этнографическими методами собственную исследовательскую среду, являясь непосредственным носителем интеллектуальных традиций этой среды, Г.Н. Стоянова пытается определить «культурные коды», сформировавшиеся в научном сообществе этнологов Одесского национального университета (С. 270). Если «культурный код» этого сообщества остался не совсем понятным читателю, то традиции и обычаи, модели поведения и привычки, особенно в период экспедиционных сборов, оказались очень интересными и познавательными. Здесь искушенный читатель (некогда сам побывавший в студенческие годы на подобных полевых практиках) вспомнит свои «истории» и ритуалы, отметит их сходство.

Статья А. Золотовой возвращает читателя в стены учреждения и акцентирует внимание на практике потребления съестного на примере коллектива Центра независимых социологических исследований. В духе автоэтнографии автор скрупулезно анализирует этапы существования еды в стенах своего учреждения, сложившиеся традиции и ритуалы потребления пищи, функции единственного стопроцентно публичного пространства в ЦНСИ — кухни (С. 278). Несмотря на интересный сюжет, представляется, что статья повествует о банальных вещах без глубокого социологического анализа, она скорее дает эмпирический материал для размышления, чем теоретическое осмысление проблемы питания в стенах ЦНСИ.

Статья О.А. Волковой и С.В. Шишкиной в этом разделе стоит несколько особняком, потому как, возвышаясь над анализом корпоративных норм и правил микросообщества, она обращает внимание на социальный портрет ученого малого российского города Балашова Саратовской области. Наряду с социальным портретом ученого исследователями вскрываются причины интеллектуальной миграции, ее гендерный состав, возрастные особенности и т.д. Сделанные наблюдения и выводы имеют важную практическую ценность для формирования региональной политики по сохранению местной интеллектуальной элиты. Но для нас, ученых-историков, важно рассуждение авторов о том, что государство, бизнес, средства массовой информации, претендуя на сертификацию профессионалов, нарушают монополию внутрипрофессионального знания (С. 251). Видимо, это и ведет к разрушению внутринаучных корпоративных норм, традиций, обычаев, научной этики, что болезненно отражается на статусе, престиже ученого и заставляет задумываться о своей профессии.

Четвертый раздел сборника содержит две весьма интересные статьи Н.А. Томилова и М.А. Жигуновой об омском этнографическом центре и Т.Б. Смирновой о повседневности отдельных представителей этого центра. Официальный взгляд, дополненный столь нетрадиционным сюжетом — «записками этнографички» — создал очень привлекательный образ омского этнографа / этнолога, жизнь которого наполнена не только мировыми и российскими достижениями, но и запоминающимися казусами. Прочитав подобные «записки», начинающий историк рискует стать «до мозга костей профессиональным этнологом / этнографом», полюбить эту профессию, слиться с ней всей душой, сменив свой серый жизненный уклад на захватывающий «научный быт». Ведь в этом микросообществе «очень хорошо и интересно» (С. 296).

Удачная компоновка материала наводит на глубокие размышления о профессии, специфике и структуре научного поля, неявно выраженных, но весьма важных «правилах игры» в научном сообществе. Все это формирует исследовательский интерес к ранее не изученным «теневым» сторонам корпорации ученых, одним словом, ориентирует на произвольное погружение в пространство нового междисциплинарного подхода.

Однако заявленный в сборнике концепт «антропология академической жизни» не сводим к методам этнологии, которые применяются в изучении истории научных сообществ различного типа, он значительно шире. Авторы это понимают, с одной стороны, расширяя круг участников проекта (социологи, историографы, этнологи), но с другой (на уровне характери-

стики своего исследовательского инструментария) — сужая. Для данного концепта весьма продуктивным может оказаться сетевой метод Р. Коллинза, в частности специфика накопления эмоциональной энергии как сплачивающего фактора; учет этого фактора может задать и иные рамки интерпретации культуры еды в научном коллективе. Меткое выражение «ученые живут и работают шайками» отражает корпоративный дух научного сообщества, подчеркивает не только общие, но и специфические черты каждой микрогруппы. В целом проект интересен ориентацией на междисциплинарность, на проблему практик самоидентификации в различных дисциплинарных научных сообществах.

Библиография

- Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г.* Психология науки: Учеб. пос. М.: Моск. психологосоц. ин-т; Флинта, 1998.
- Александров Д.А.* Историческая антропология в России // Вопросы естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22.
- Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / Отв. ред. Г.А.Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008.
- Белов В.А.* Образ науки в ее ценностном измерении: (Философский анализ). Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1995.
- Зверева Г.И.* Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 1999. № 1. С. 250–265.
- Историк в меняющемся пространстве российской культуры: Сб. ст. Челябинск: Каменный пояс, 2006.
- Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX — XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург: Изд-во Омского госуниверситета; Изд-во Уральского университета, 2000.
- Корзун В.П.* Жизненный мир и наука: отец и сын Лаппо-Данилевские // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки [Киев]. 2009. Вип. 4. С. 407–409.
- Мир историка: историографический сборник [Омск]. 2005. Вып. 1; 2006. Вып. 2; 2007. Вып. 3; 2008. Вып. 4; 2009. Вып. 5; 2010. Вып. 6.
- Мир историка: Владимир Иванович Герье. Материалы научной конференции. Москва, 18–19 мая 2007 г. М.: ИВИ РАН, 2007.
- Пушкарева Н.Л.* «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник, 2004. М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. С. 93–112.
- Пушкарева Н.Л.* История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник, 2007. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 9–54.

- Савельева И.М., Поletaев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. Т. 2: Образы прошлого. СПб.: Наука, 2006.
- Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М.: ИРИ РАН, 2008.
- Сидорякина Т.А.* Процесс «вхождения в науку» молодого ученого: «ритуалы перехода» в рамках «профессорской культуры» // Вестник Омского университета. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2009. № 3. С. 88–94.
- Троицкий Ю.Л.* Историографический быт эпохи как проблема // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII–XX): Мат-лы Второй всероссийской. науч. конф.: В 2 т. Т. 2: Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. Омск: Сибирский филиал Российского института культурологии, ОмГУ, 1995. С. 164–165.
- Человек: индивидуальность, творчество, жизненный путь: Сб ст. / Под ред. В.Н. Келасьева. СПб.: СПбГУ, 1998.

Марина Мамонтова



Успенская Г.Н. *Ташкент — прекрасная эпоха.* СПб.: Новый мир искусства, 2008. 280 с.

Книга «Ташкент — прекрасная эпоха», вышедшая в 2008 г. в Санкт-Петербурге, осталась незамеченной в сообществе специалистов (этнографов, фольклористов, занимающихся локальным текстом, антропологов и др.), на нее нет откликов ни в одной профессиональной среде. Восполнить этот пробел — задача данной рецензии.

Автор книги — Галина Николаевна Успенская — не увидела своего текста опубликованным (ушла из жизни в 2006 г.), да собственно и книги она не писала, а лишь отрывками заносила отдельные сюжеты в тетрадку, а под конец своей далеко не долгой жизни (63 года) вспоминала устно — родственники записывали.

Элеонора Федоровна Шафранская
 Московский гуманитарный
 педагогический институт
 shafranskayaef@mail.ru

Книга — никем не ангажированный, никем не заказанный текст, воспоминания о ташкентской жизни частного человека. Быть может, Г.Н. Успенская это делала для своей семьи, для своих потомков. Между тем есть люди рефлексирющие, не описать того, что с ними происходило в течение жизни, они не могут. Такие люди были всегда, но такие далеко не все.

«Эти воспоминания появлялись не как части возможной книги, а как боковой побег привычки и увлечения мамы “устной речью” при замечательной памяти — она угощала рассказами всех наших гостей, знакомых, своих учеников, коллег, соседей, спутников по поездкам и т.д. Она была вдохновлена Ташкентом как темой — главной и неисчерпаемой темой своих рассказов. И всегда кто-то охал: записывать надо! И маме никогда это не было интересно, да и страшно — при ее пиетете перед литературой. И записывала хорошо она только “на раз”, на выдохе, пока не растрчивала азарт творчества и не успевала испугаться содеянного. А когда серьезно усаживалась за письменную работу — мучилась, ходила курить, “старалась” и — зачастую выхолащивала свою яркую манеру рассказывать» (из письма сына, А.М. Успенского, составителя книги). Пройти мимо такого свидетельства ни историки, ни культурологи, ни фольклористы, ни филологи, ни краеведы не должны.

Переписываются энциклопедии, учебники по истории, причем порой так, что бывшее «черным» становится «белым» и наоборот. Раздобыть объективную информацию непросто. В восстановлении картины эпохи субъективная информация оказывается гораздо продуктивнее официальной. Книга Г.Н. Успенской — из таких свидетельств, «субъективно-объективных», она — о гении места, Ташкента XX в.

Ценны свидетельства, когда автор фиксирует события, впечатления от них в дневнике — по следам происшедшего. Книга Г.Н. Успенской другого рода. Это именно воспоминания. И ценность такого текста — другого свойства: автор преломляет давно случившееся через свой опыт, отсеивает невыразительное, а прежде казавшееся незначительным с течением времени приобретает статус важной, значимой детали.

Галина Николаевна Успенская — архитектор по образованию и роду деятельности, дочь биологов, воспитанная бабушкой — врачом-педиатром, прошедшим Гражданскую войну, правнучка генерал-губернатора Закаспийской области. Как сказали бы в старину, знатного происхождения. Но в советское время в цене была «рабочая кость», и потому свой большой дом семья вынуждена была отдать на «подселение» (все бывшие функциональные помещения дома стали отдельными «квартирами»: в спальне, столовой, ванной, кухне, буфетной, кабинете, гос-

тиной, гардеробной и проч. стали проживать отдельные семьи, чужие люди, образовавшие новую советскую общность — соседи), а ее потомки вошли в ряды совслужащих.

История семьи Г.Н. Успенской — это срез истории Средней Азии, всего XX в. Не случайно автор начинает свое повествование с тех времен, которые предшествовали ее рождению, а именно — с колонизации Туркестана Россией.

«И когда русские туда пришли, то они пришли совсем не так, как на Кавказ. <...> Пржевальский, Семенов-Тянь-Шанский... Это были люди, которые изучали край, и не только Среднюю Азию, они изучали Монголию, Тянь-Шань и Памир. <...> Средняя Азия находилась в ситуации даже не обскурации... не стагнации, это был такой глубочайший кризис. Край просто едва дышал, он лежал в развалинах» (С. 6–7); «Любая пустыня — это место бывшей очень мощной цивилизации. Чем мощнее цивилизация, тем больше она оставляет после себя такое вот пустое место, в виде пустыни» (С. 11); «Туда ехали пассионарии, а кроме того, туда ехали еще и авантюристы, которые хотели разбогатеть, тоже ведь люди с энергией. В общем, там скопилось колоссальное количество людей с энергией. <...> Не было инерционной массы народу, каждый был личность» (С. 12–13); «Туда приехали люди интеллигентные, я бы сказала, по-настоящему, и аристократов там было много. <...> Там было просто невероятное количество столбовых дворян-поляков. Там были Собецкие (это уже царский род), Сливинские, Маевские» (С.13).

«К нам приходил геолог-петрограф, изысканный, холеный, сноб невероятный, скульптор-любитель, а вообще геолог — Ян Станиславович Висневский из очень старинного дворянского рода. У него была такая стриженная шкиперская бородка, ходил он с палочкой. Холодный взгляд, ледяные маленькие серые глаза, пахнет “Шипром”, курит трубку. Высокомерный невероятно. И уж такой франт, такой аристократ, такой... — голубая кровь и белая кость. Но, правда, летом он садился на лошадь и пахал в полевой экспедиции, как и все они. Никто не презирал труд. Настоящие-то аристократы, они к этому относятся несколько по-другому, я считаю.

Как-то пришел он к нам в гости, а у нас за столом сидела мама на рабочая, узбечка [рабочая из ташкентского Ботанического сада. — *Примеч. сост. А.У.*]. И мы обедали, ему, конечно, предложили — за стол. Значит, Ян Станиславович уселся, и я принесла ему прибор. И естественно, эта узбечка ела вилок, и вилка у нее, конечно, была в правой руке. Ян Станиславович совершенно автоматически взял вилку и нож, и — как нужно взял. И вот буквально у меня на глазах он посмотрел туда-сюда,

отложил нож, переложил вилку в правую руку и стал есть, как эта узбечка, чтобы не оскорблять ее ничем, — это вот воспитание, я считаю, это вот — то самое, как люди вообще должны себя вести. И поэтому из русских, которые приехали, местное население никто никогда не унижал, абсолютно никто. Конечно, нет, не было все так идеально. Был, например, такой есаул Русанов, казак, которого все помнили. <...> В конечном счете его судили военным трибуналом и расстреляли» (С. 13–14).

Атмосфера, в которой росла-жила Г.Н. Успенская, насыщена именами известных ученых, исследователей Средней Азии: так, нарисованы не официальные, а живые портреты биологов И.А. Райковой, Е.А. Макеевой, Б.А. Федченко и его супруги Евгении, хирурга В.Ф. Войно-Ясенецкого. «У всех был невероятный перечень профессий, — пишет Г.Н. Успенская, — которыми они прекрасно владели и пользовались <...> Это были люди, которые умели очень много и делали очень много. Даже если это не было связано с профессией, которой они предавались, то у них было какое-нибудь увлечение, которым занимались на таком не дилетантском уровне, как тот же Висневский, — он был совершенно потрясающий скульптор. <...> А если говорить о том, что он сделал, — он, конечно, был просветителем. <...> Он просветил невероятное количество девочек в области музыки, античного искусства» (С. 24).

Для Г.Н. Успенской физическое проживание в Ташкенте закончилось в 1975 г., которому предшествовал «год потерь» (С. 260): в 1974 г. погибает любимый отчим («папа», «Стасик») С.Ю. Рожановский, приходит «сиротство», опустошение — и семья покидает город, переезжает в Россию. «Когда случилось землетрясение, я поняла, что закончился город. Он вообще уже заканчивался к тому времени, его моральные качества исчезали. И когда эта форма окончательно развалилась, природа устроила землетрясение, и стало понятно, что все закончилось» (С. 24).

Что понимает под «моральными качествами» города автор книги? «Круговая порука была общим состоянием, никто никого не предавал. Считалось лучше дать по морде, лучше побить, «темную» сделать, но ни в коем случае ни завучу пожаловаться, ни милиционеру, ни партийному боссу. И поэтому никто не лез наверх, совершенно. Никто не хотел быть партийным, тем более, вообще-то говоря, никто не хотел быть большевиком, и коммунистом — тоже не хотел. <...> Если бы они были слабые люди, то, может быть, они бы объединились в какие-то партии. А так — каждый из них имел вот эти принципы, но, прежде всего, был очень мощной индивидуальностью, таким пассионарием, что ему совершенно не нужно было

с кем-то объединяться. <...> Никто не рвался во власть, наверх, никто не хотел никем руководить. Никто не хотел иметь подчиненных, кого-то эксплуатировать. Каждый хотел успеть, успеть сделать свое дело, пока им не помешали. Поэтому очень ценилось время» (С. 17–18).

И делали немало. В.Ф. Войно-Ясенецкий бесплатно обслуживал на дому небогатых пациентов: «Часы приема очень поздне, что-то с 6-ти или с 8-ми вечера. При этом черточка стоит, а до скольких — не написано <...> к нему можно было прийти когда угодно» (С. 20). И.А. Райкова «в одиночку за семнадцать лет описала абсолютно всю флору, и корневую систему описала, и все составила, гербарий сделала. Весь Памир — одна Райкова — это подвиг или не подвиг?!» (С. 19). Е. Федченко «жила в Оше, где ей страшно жалко стало детей, которые не ходят в школу. Она там организовала школу. Два раза в год она видела своего мужа, иногда они вместе ездили в экспедиции. <...> Но жила она в Оше и преподавала там, в пяти или четырех школах» (С. 23). «Опальный князь Николай Константинович¹ отличался тем, что на свои деньги построил несколько школ, больниц, родовспомогательные учреждения и двести двенадцать мечетей гузарных (квартальных) в старом городе [речь о Ташкенте], где жили узбеки. <...> Князь еще строил и раздавал бесплатные жилища» (С. 27–28). Под руководством ученого с мировым именем В.А. Нильсена «открыты, изучены и введены в науку» крупные античные комплексы Афрасиаб и Варахша (С. 44). Родители Г.Н. Успенской занимались морфологией пустынь, кормовой базой пастбищ, с ними она изъездила Кызылкумы, Тянь-Шань.

Словом, приход в Туркестан русских принес свои благодатные плоды, — умозаключает автор книги. Да и сама Г.Н. Успенская немало сделала для той «солнечной улицы»: будучи членом Союза архитекторов, производила социологическое обследование традиционной застройки Бухары, проектировала здания, работая в Ташгипрогоре, Ташгенплане и других учреждениях.

У всех пишущих и вспоминающих о Ташкенте свои этапы взаимоотношений с городом, свой «ташкентский роман». Для Г.Н. Успенской этот «роман» ассоциируется с прекрасной утопией. «А в Ташкенте так получилось, что (если уж совсем быть точной, то — в течение шестидесяти, ну ладно, будем скромнее, сорока пяти — пятидесяти лет) в течение этого времени там создались такие условия, когда утопия осуществилась,

¹ Великий князь Николай Константинович Романов (1850–1918) — первый ребенок Великого князя Константина Николаевича, младшего брата будущего российского императора Александра II, внук Николая I.

и люди жили в этих утопических, идеалистических представлениях — они совпали с жизнью. Можно было жить, соблюдая вот эти идеалы, и не нужно было оправдывать себя какими-то “можно — нельзя”, “получилось — не получилось”. Энное количество необыкновенного, романтического, идеалистического человеческого материала, пришедшее туда, плюс удаленность всех этих жандармерий, империй, царских домов и так далее создавало такие условия. А потом начал подрастать человек толпы... Этот самый средний человек начал подрастать и все заполнять. Центр города, который, собственно, и был маленьким таким райским местом, таким Эдемом, где утопия имела место, стал раздражать серого человека, и он стал в него внедряться. Люди, которые там жили, стали умирать, исчезать, стареть, слабеть. <...> И землетрясение, по-моему, явилось итогом. <...> Землетрясение, которое это самое место и уничтожило» (С. 33–34).

Но автор книги не хулит новые времена, полчища новых людей, пришедших в город. Она с благодарностью принимает «конец» своего Ташкента: «И мне не стыдно, а гордо и достойно за роль русских в Средней Азии, Туркестане» (С. 45), потому что это и ее, лучшая, часть жизни. Даже ее сын, шестилетним ребенком покинувший город, ныне известный петербургский искусствовед, сказал, что Ташкент — очень значимая часть его мира, без Ташкента не было бы многих его проектов и текстов.

Ташкент входит в пространство русского дискурса во второй половине XIX в., а «уходит» из собственно официальных русских пределов в конце XX в. Этот небольшой с исторической точки зрения период породил определенный фольклорно-литературно-мифологический слой в русской культуре. Пожалуй, этот *текст* проживет еще недолго — благодаря поколениям, так или иначе связанным с советским периодом. И, тем не менее, этот феномен интересен как объект культуры прошлого. Пока же можно констатировать, что ташкентский текст русской культуры¹ существует. И для тех, кто там жил, и для тех, кто не жил, характерно упоминание (с разной степенью объема и глубины, конечно) одних и тех же деталей.

¹ Для подтверждения мысли, что концепт локального текста много шире конкретной географии города, мною был проведен блиц-опрос о наличии / отсутствии ташкентского текста в русском культурном пространстве. В двух блогах «Живого журнала» был помещен вопрос: «Ташкент — какие ассоциации, культурные, исторические, ментальные и проч. — возникают тут же?». Ответить предлагалось не ташкентцам — в итоге получено более полутора сотни комментариев, подтверждающих наличие ташкентского текста в русской культуре. Ответы содержали повторяющиеся ассоциации, т.е. штампы, что и предполагалось в замысле опроса. Ответы-штампы распределены по таким смысловым группам: артефакты; ментальные и обрядовые свойства города; имена собственные — знаки-символы культурного и исторического пространства города; метео-, био-, геособственности; социально-культурные институты (подробнее об этом в книге: [Шафранская 2010]).

Все упоминают ташкентские дворы, огромные деревья, как плодовые, так и нет, городские культовые места, гостеприимство. У всех на памяти эвакуированные, множество инвалидов в послевоенном городе, землетрясение (как 1966 г., так и вообще сам ташкентский частотный природный катаклизм), хлопок (не собственно растение, а тамошний ежегодный «экшн»), солнце, жара¹, арыки, множественный ряд ташкентских артефактов и, наконец, исход из города.

Книга Г.Н. Успенской, безусловно, часть ташкентского текста русской культуры. Данные в ней описания города, жизни его жителей — константы в текстах художественных и нехудожественных. Т.В. Цивьян назвала их «сигнатурами города», они, будучи тиражированными, клишированными, в каждом новом тексте дополняются новыми деталями, смысловыми оттенками. Потому нельзя не процитировать эти сигнатуры города по Г.Н. Успенской.

Двор — «дворы Одессы и Тифлиса все-таки немножко клоаки, а дворы Ташкента немножко оазисы» (С. 55) — это сопоставление является продолжением типологического сходства городов: Одессы, Тифлиса и Ташкента, приведенного в начале книги (по ходу повествования встречаются их, городов, схождения и расхождения).

Дерево — «деревья. Они громадны, плодоносны. <...> На деревьях можно висеть вниз головой, там можно устроить “штаб”, спрятаться так, что никто не найдет и не узнает, что ты ревел, оттуда можно прыгать “кто выше” и “кто дальше”. Можно летать на веревке, как Тарзан. Можно набивать себе оскомину неспелым кок-султаном и наслаждаться почти спелой черешней. Можно нашибать незрелых орехов и ходить потом с коричневым ртом и руками» (С. 54); «Со старой орешни и старой урючины, громадных, плодоносных, собирали урожай и делили на всех, получалось много. <...> Потом все обособились, да и урожай сникли, <...> а старую орешню, как предмет раздора, спилили» (С. 72).

Дворец Романовых, по словам Г.Н. Успенской, «чудесный замок», который спроектировал Г.М. Сваричевский, а часть интерьера оформил А.Л. Бенуа (Г.Н. Успенская как архитектор дополняет эту «сигнатуру города» специальными деталями — глазом профессионала).

¹ «Ташкент» в значении ‘жара’ как вполне общерусское слово используется и в повседневности (из речи автоумельцев, чинящих печку в автомобиле: «тут уже *ташкент* должен быть»), и в литературе: «предложил отдохнуть возле маленького костерка, <...> вообще ташкент будет» [Кабаков 2005: 66], вошло в словарь [Отин 2004].

Сквер Революции, увы, уничтоженный намеренно нынешней властью. Все, кто хоть раз писал о Ташкенте, обязательно упоминали этот сквер. Г.Н. Успенская расширяет семантическое поле этой сигнатуры города: она, будучи десятилетней, в марте 1953 г. шла по Пушкинской (тоже сигнатура города, увы, также переименованная) на «похороны» Сталина. «Прощание заключалось в круговом обходе памятника Сталину, стоявшего в центре сквера Революции» (С. 209). И так же, как и все пишущие ныне о Ташкенте XX в., Г.Н. Успенская детально описывает тот карнавал, который случился в центре сквера, — смену фигур на постаменте в угоду политическим ветрам.

Театр оперы и балета им. Алишера Навои — к известному факту, что театр строили пленные японцы, добавлено: «Бытовало устное предание, что, когда подключили здание к отоплению, горячая вода хлынула в подвалы, это грозило крупной аварией, и виной тому ватники, которые японцы понапихали в трубы» (С. 219). И еще байка из профессиональной среды: «А история конкурса и победы в нем тоже устная, но фактически точная. Во всесоюзном конкурсе на проект оперного театра для Ташкента победил молодой архитектор, выпускник архитектурного отделения строительного факультета Ташкентского политехнического института. Победитель был объявлен — Пителин. Но Щусев, тоже участник конкурса, академик к тому времени и вообще фигура, сумел все подмять под себя. К тому же многое из ташкентского проекта перешло в щусевский. Итогом явилось прекрасное здание и навек сломленный Пителин» (С. 219–220). Теплые, вне официоза, человеческие встречи со звездой «театра Навои» Бернаррой Кариевой, с гастрольным танцором Махмудом Эсанбаевым — этих сюжетов читатель уж точно нигде не найдет, кроме как в книге Г.Н. Успенской.

Толпы эвакуированных, инвалидов, множивших небывалые прежде в городе трущобы. «Я в своем детстве помню, что Ташкент просто гремел колясками подшипниковыми, на которых ездило бесконечное количество безногих людей, и была такая ситуация, когда их собирали, отправляли, очищали город» (С. 28–29).

И еще немалый ряд «сигнатур» присутствует в тексте Г.Н. Успенской: Тамара Ханум, кинотеатр «30 лет ВЛКСМ», филармония — театр им. Я. Свердлова, кишмиш, хлопковая «лихорадка» и проч.

Галина Николаевна Успенская, без сомнения, пропела гимн городу своего рождения, детства, юности и зрелости, попро-

щавшись: «Я знала, что никогда больше не увижу родного мне города, красной от цветущих тюльпанов степи за окном. Холмов и гор Тянь-Шаня, его чистых и бурных рек. И оставшихся на перроне я тоже оставила навсегда. Это была моя главная, моя счастливая жизнь, и она кончилась» (С. 151). Эти слова, вероятно, примеряет к себе каждый, кто был связан с Ташкентом.

В одной из записных книжек Г.Н. Успенская сделала запись (1964 г.): «Венец каждой человеческой жизни есть память о ней, высшее, что обещают человеку над его гробом, это вечную память. И есть ли та душа, которая втайне не томилась этой мечтой? Оставить в мире до скончания веков себя, свои чувства, видения, мысли, одолеть то, что зовется смертью, то, что неумолимо настанет в свой срок, и во что все-таки не хочешь и не можешь верить!» (С. 246).

Осмысление своего времени, себя в нем, Времени и Места («Родина, родина, родился, родные, род, без роду, без племени. Родина все-таки, оказывается, там, где родился» — с. 256), в итоге воплощенное в книге, бесценно как единственный опыт отдельного человека. Из таких свидетельств складывается картина эпохи. Книга должна найти как можно больше читателей (узнавая об этой книге, посвященные восклицают: где? хочу! мне! и мне!).

«Зачем я хочу всегда помнить? Это желание запомнить?» (С. 242) — такие экзистенциальные вопросы посещают молодую 21-летнюю женщину. И за год до смерти, когда болезнь еще оставляла немного сил, Г.Н. Успенская напишет: «И еще успеть записать, побороться единственным доступным мне способом со временем» (2005 г.) — планка, обозначенная в молодости, как видно, была высока на протяжении всей жизни.

Это, как выясняется, нужно многим: не только близким, потомкам, не только бывшим ташкентцам. Такие книги играют роль проводника в забытую или неизвестную зону истории. Благодаря содержащимся в них уникальным свидетельствам она, история, приобретает очертания куда более реальные, чем в обобщениях исторического дискурса.

До сих пор на Востоке ходит предание о бараньей косточке, которую вместе с пловом гостеприимно-подло впихивают в рот нежеланному гостю. У такого о восточном городе останется лишь горечь воспоминаний (кость в горле), но есть иные чувства — печаль об утонувшей Атлантиде, о русском Ташкенте XX в. Книга Г.Н. Успенской — такого звучания.

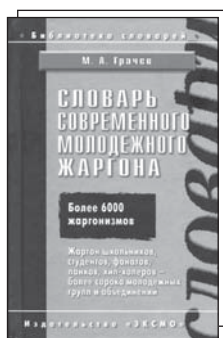
Библиография

Кабаков А. Московские сказки. М.: Вагриус, 2005.

Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М.: ООО «А Темп», 2004.

Шафранская Э.Ф. Ташкентский текст в русской культуре. М.: Арт Хаус медиа, 2010.

Элеонора Шафранская



Грачев М.А. *Словарь современного молодежного жаргона.* М.: Эксмо, 2007. 672 с.

Молодежный жаргон в «зеркале» словаря

В последние десятилетия проблема фиксации и анализа языковых явлений современности приобретает все большую значимость и популярность в научных кругах. В частности, уделяется большое внимание молодежному сленгу: начиная с 1992 г. в свет вышло уже несколько словарей сленга. Данная рецензия посвящена новому изданию — «Словарю современного молодежного жаргона», составленному М.А. Грачевым (Н. Новгород, НГЛУ). Книга вышла в серии «Школьные словари» московского издательства «Эксмо». Надпись на обложке сообщает, что словарь содержит более 6 тыс. жаргонизмов. И действительно, на настоящий момент это наиболее объемное издание по теме. Пласт слов, употреблявшихся молодежью 1980–2005 гг., охвачен достаточно полно (хотя за пределами словаря и остались, например, *анархия, беспредел, сквот, пока тушки, стилиаги, КСП, киномань, нацболы* и др.).

Дмитрий Вячеславович Громов

Институт этнологии
и антропологии РАН /
Государственный
республиканский центр
русского фольклора,
Москва
gromovdv@mail.ru

Недостатком словаря является огромное количество содержащихся в нем *фактологических ошибок, неточностей, некорректных объяснений значений* и т.д. Приведем примеры. Так, автор указывает, что *слэм* — это «вечеринка панков» (С. 502), на самом же деле это своеобразный танец-драка, практикующийся на некоторых рок-концертах; *креза* — «сумасшествие» (С. 272), вообще-то (и на это указано в приводимом здесь же примере) крезой в среде хиппи называют психиатрическую больницу; *бикса* — «плакса; девушка, регулярно жалуемая на свою жизнь» (С. 69), в действительности — пренебрежительное название девушки; *рулёз* — «счастье» (С. 469), вообще обозначение положительной оценки, одобрения.

Встречаются и вовсе курьезные случаи. Так, упоминается «*невский фронт* — питерская (! — Д.Г.) группа фанатов футбольной команды “Зенит”» (С. 343). Речь здесь идет не о *франте*, а о *фронте*. Возможно, информация по данному вопросу воспринималась собирателем на слух, а проверка по другим источникам не производилась. «Невский фронт» — одна из петербургских группировок фанатов (кстати, ее никоим образом нельзя отождествлять со всеми болельщиками города).

Объяснения значений лексических единиц составлены небрежно: они могут исчерпываться одним-двумя словами (как приведенные выше «вечеринка панков», «сумасшествие», «счастье»). Прослеживается типичная ошибка — при объяснении значения лексем выпячиваются второстепенные черты, допускаются оценочные суждения. В качестве примера приведем описание представителей двух субкультур: «*Панк*. Представитель неформального молодежного объединения, декларирующий отказ от действительности своим шокирующим внешним видом, поведением, подчеркнутым безразличием к остальному обществу» (С. 379). Возможно, это фраза для педагогической статьи, но никак не научное определение. «*Байкер*. Представитель неформального молодежного объединения, занимающегося ездой на мотоцикле (без прав, без глушителя и проч.) и являющегося поклонником рок-музыки» (С. 52).

Многие формулировки неудачны со стилистической и грамматической точек зрения: «*Крест хипповский* — рисунок в виде голубя на фоне земного шара — символа борьбы за мир» (С. 273). Непросто догадаться, что речь идет о «пацифике» — известном символе пацифизма; также он толкуется как голубиная лапка, вписанная в круг. «*Паника*. Стрессовое состояние сотового мобильного телефона» (С. 379). Сотовый и мобиль-

ный — слова-синонимы. Стресс может быть только у того, кто обладает психикой, в отношении же механизма речь может идти о сбое работы.

Насколько можно понять, некоторые слова толкуются составителем исключительно на основе одной-двух случайных цитат (часто они приводятся тут же). Так, слово *влипнуть* расшифровывается как «влюбить» (С. 106). В качестве пояснения приводится цитата из романа, в котором влюбленный юноша думает о себе: «Да ты влип, приятель!» О *фурагах* (само-название уличных группировок в ряде городов России; названы так по характерной части одежды — фуражкам или кепкам) сообщается, что это «члены неформального молодежного объединения, призывающего жить по-ленински». Поясняющая цитата: «“Фураги” носили фуражки “как у Ленина”» (С. 589). В обоих случаях объяснения значений слов никак не вытекают из приведенных цитат.

Часто из зоны внимания составителя выпадают совсем уж очевидные вещи. Так, слово *анархист* составитель определяет коротко: «панк» (С. 41). Мотивируется это тем, что в популярной книге, изданной в 1990 г., сказано: «Панки (они же анархисты)». Как будто и не было полуторавековой истории анархизма в России. *Перформанс* почему-то относится к сленгу футбольных фанатов и расшифровывается как «представление» (С. 393). Странно, что составитель больше ничего не говорит о перформансе как о форме современного концептуального искусства, популярной в среде творческой молодежи. *Битник*, по словарю, это: «1. Представитель рок-музыки. 2. Хулиганствующая молодежь из неформального объединения хиппи» (С. 70). О движении битников, существовавшем в 1960-е гг. на Западе, так же, как об их последователях, составитель, видимо, не знает.

Одна из причин многочисленных ошибок словаря — *некритичность составителя по отношению к источникам*.

Более 50 процентов источников, приведенных в библиографии, — газетная и журнальная публицистика 1986–1991 гг. Между тем не секрет, что публицистика тех лет изобилует ошибками, и вряд ли к ней стоит относиться с излишним доверием. В то же время в словаре мало использованы собственно субкультурные тексты — материалы фэнзинов, фольклор, тексты рок-песен. Насколько можно судить, составитель плохо знаком и с научными исследованиями о молодежи, например с работами Т.Б. Щепанской (пожалуй, наиболее авторитетного автора, разрабатывающего данную тематику) [Щепанская 1993 и др.]. Это видно, например, по тому, что важнейшая для ряда молодежных субкультур категория *трасса* переводится всего

лишь как «путешествие» (С. 547). Составитель, давая такое толкование, опирается на довольно поверхностную статью Мазуровой и Розина [Мазурова, Розин 1991], в то время как Щепанская в своих исследованиях уделила *трассе* большое внимание. Вообще, «сомнительные» источники могут использоваться составителем даже в тех случаях, когда в его распоряжении есть работы с правильными толкованиями, например о той же *трассе* написано в «Словаре сленга хиппи» Ф.И. Рожанского [Рожанский 1992].

Составителем не использован такой важный для данной темы источник, как Интернет. А между тем всемирная Сеть — место, где бытует современная разговорная речь. Наличие поисковых программ позволяет быстро найти информацию о подавляющем большинстве терминов, включенных в словарь. Например, полминуты хватило бы на то, чтобы с помощью поискови-ка выяснить, что *курум* — это вовсе не «большой камень», как считает составитель (С. 280).

Нам кажется, многочисленных ошибок в публикациях о молодежи можно было бы избежать при правильном методологическом подходе. Для отслеживания ошибок необходимо привлекать *экспертов* — собственно участников молодежных сообществ (нынешних и бывших), носителей сленга. В крупном городе несложно найти представителей любых молодежных субкультур, среди них много студентов и людей с высшим образованием. Эксперты легко могли бы выявить ошибки и внести ясность в вопросы, связанные с бытованием субкультур, молодежной повседневностью. В работе над подобными изданиями помощниками составителя должны быть не только филологи (студенты и преподаватели), но и самый широкий круг информантов.

Помимо замечаний по поводу объяснения значений слов, хотелось бы отметить некоторые спорные моменты, касающиеся *включения в издание молодежного жаргона определенных групп слов*.

В словаре содержится лексика, относящаяся не к молодежным, а скорее к профессиональным жаргонам — сленг военных (в том числе участников войны в Афганистане), компьютерщиков, музыкантов, спортсменов, туристов. Возможно, в таком отнесении есть логика: молодежь проходит срочную службу в армии, много внимания уделяет компьютерам, играет в самостоятельных музыкальных группах, занимается спортом, ходит в походы. Однако составителю словаря стоило бы как-то обосновать свою позицию, пояснить, почему данные группы приравниваются им к молодежным.

Вызывает сомнение «молодежный» характер многих слов и выражений, включенных в словарь, например лексики, связанной с алкоголем. Вряд ли слова *бутыль*, *бухать*, *кирять* и им подобные употребляются молодежью чаще, чем людьми средних лет.

Неправомерным представляется и включение в словарь определенных слов и выражений, бытующих в средней школе. Многие с детства помнят шуточные «словари», описывающие реалии школьной жизни («вызов к доске — дорога на эшафот; дневник — книга жалоб» и т.д.). Подобные «словари» есть и в студенческой среде, и в курсантской, и у солдат срочной службы. Это фольклорные произведения, но вряд ли их можно рассматривать как фиксацию сленга. Выражения типа *семнадцать мгновений весны* («учитель вышел из класса» — С. 486) и *братья-разбойники* («директор школы и завуч» — С. 81) бытуют в рамках этих «словарей», но вряд ли они используются в обыденной речи.

Во вступлении к словарю составитель справедливо отмечает, что молодежный сленг «периодически обновляется: нарождаются новые слова, уходят в пассивный запас старые» (С. 6). Но при этом в словаре не сделано попыток проследить динамику жаргона, хотя бы для отдельных слов (так, слово *торчать* в 1980-е и 1990-е гг. имело разные значения). В принципе по цитатам, приводимым в словарных статьях, можно вычислить годы бытования тех или иных слов, но трудно сказать, происходит это по замыслу составителя или же «получилось само собой». По крайней мере своей позиции в комментариях составитель не обозначает.

Вкратце стоит сказать о *«технических» недочетах книги*. В ней нет тематического указателя, поэтому тот, кто захочет ознакомиться, скажем, со сленгом панков, вынужден будет просмотреть весь словарь. В тексте отсутствуют перекрестные ссылки; так, приведенное выше определение *креста хипповского* (С. 273), некорректное само по себе, слово в слово воспроизведено еще в двух статьях (*лапка* — С. 286, *пацифик* — С. 386), но ссылок на эти статьи нет. Некоторые литературные источники упоминаются в тексте, но отсутствуют в списке литературы. Перечень «технических» недостатков можно продолжить.

Подводя итоги, можно отметить, что рассматриваемый словарь не является изданием, дающим полную и адекватную информацию о советском и российском молодежном сленге 1980–2005 гг. Описание и систематизация сленга — задача, которая еще ждет своего исследователя.

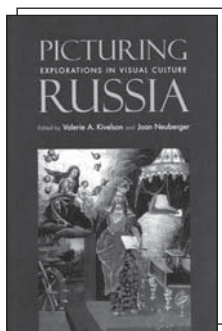
Библиография

Мазурова А.И., Розин М.В. Развитие, структура и сущность хиппизма // По неписаным законам улицы. М.: Юридическая литература, 1991. С. 99–117.

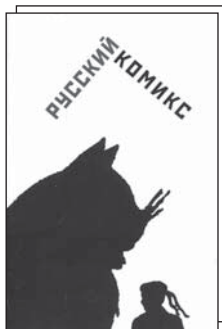
Рожанский Ф.И. Сленг хиппи. СПб.; Париж: Европейский дом, 1992.

Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы 1986–1989 гг. СПб.: Наука, 1993.

Дмитрий Громов



Picturing Russia: Explorations in Visual Culture / Edited by V. Kivelson, J. Neuberger. New Haven; L.: Yale University Press, 2008. 284 p.; ill.



Русский комикс: Сб. статей / Идея Ю. Александрова; составление Ю. Александрова и А. Барзаха. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 352 с., ил., суперобложка-плакат.

Ольга Юрьевна Бойцова

Музей антропологии этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
boitsova@gmail.com

Рецензируемые книги во многом похожи. Обе они посвящены русской визуальной культуре. Обе охватывают период от средневековья до наших дней и построены по хронологическому принципу. Обе являются сборниками, где каждая из статей или глав, написанных разными авторами, представляет собой кейс-стади одного артефакта или вида изображений.

“Picturing Russia” состоит из 50 глав. Первая вводная глава написана редакторами Валери Кивельсон и Джоан Нойбергер. Эта тео-

ретическая глава показалась мне наиболее важной в сборнике. В ней сделана попытка выделить черты, характерные для визуальной культуры России. Обобщение статей сборника подводит авторов вводной главы к формулированию одного из принципов русской визуальной культуры, который они называют “seeing into being” — «обращение к визуальному для того, чтобы вызвать к жизни новую реальность, использование опыта видения как механизма исторической и эсхатологической трансформации» (Р. 6)¹.

Здесь же есть еще одно наблюдение над русской культурой: визуальный материал давал русским и советским художникам, фотографам и режиссерам возможность включать в свои произведения то, что они не могли сказать словами, опасаясь цензуры, и даже то, в чем они не могли признаться самим себе, поскольку природа визуального позволяет ему инкорпорировать конфликты, не анализируя и не решая их (Р. 9). Как отметила в своей рецензии на сборник “Picturing Russia” Г. Янковская [Янковская 2009: 447], эти утверждения о русской визуальной культуре небесспорны и нуждаются в сравнительной перспективе. Однако мне кажется большим плюсом книги то, что они были сформулированы: теперь их можно обсуждать и спорить с ними.

В первой главе “Picturing Russia” представленные в книге подходы к визуальным источникам сгруппированы следующим образом: «(1) использование визуального для того, чтобы найти информацию, не отраженную в письменных источниках; (2) декодирование символических значений и коннотаций в визуальных источниках; (3) определение исторически специфических способов видения и приписывания значения визуальному знанию в тот или иной момент времени и (4) изучение практик видения как формирующих и иногда трансформирующих аспектов исторического опыта» (Р. 2). Звучит очень вдохновляюще, и если бы главы книги распределялись между этими четыремя подходами, она стала бы настольной для любого исследователя русской визуальной культуры. Однако некоторые статьи не укладываются в предложенные четыре направления: для них можно было бы ввести такой подход, как «использование изображения как повода для изложения фактических знаний автора или его теоретических построений». Этот подход нельзя назвать методом анализа визуальных источников (подобный «анализ» невозможно провести, не обладая знаниями автора), однако как способ написания статей на «околовизуальные» темы он сейчас нередко используется.

¹ Здесь и далее перевод названий глав и цитат принадлежит автору рецензии.

Начиная со второй, главы “Picturing Russia” посвящены различным изображениям и артефактам. Одни из них всем знакомы (шапка Мономаха, собор Василия Блаженного, «Явление Христа народу» А. Иванова, плакат «Родина-мать зовет!»), другие не фигурировали прежде в русской истории (частные фотографии никому не известных людей, отдельные страницы из книг 1920-х гг.), третьи находятся где-то посередине между известностью и безвестностью. Некоторые изображения, ставшие хрестоматийными, рассматриваются не сами по себе, а через призму их переделок или реплик на них («Богатыри» В. Васнецова, «Черный квадрат» К. Малевича).

Если бы большинство выбранных для анализа изображений были своеобразными «иконами» русской истории, то книга могла бы стать критическим прочтением привычной всем иллюстрированной истории России. Если бы, наоборот, большинство из них вводились в научный оборот и показывались читателям впервые, то можно было бы говорить о появлении «альтернативной русской визуальной истории». Однако анализируемые в книге объекты не позволяют выделить какой-либо единой концепции в их подборе, и тем удивительнее, что статьи называются «главы» и имеют нумерацию, как бы подразумевая, что перед нами коллективная монография, написанная по единому плану.

«Русский комикс» не так всеохватен, как “Picturing Russia”, но разброс рассматриваемых явлений визуальной культуры в нем шире, чем можно было бы предположить исходя из названия: тут и старообрядческая иллюстрированная рукопись, и лубок, и детские рисунки, и диафильм. Причем если автор статьи о художнике-иллюстраторе Л.А. Юдине, Ирина Карасик, оговаривает: «Повествовательная изобразительность — качество, свойственное самой природе дара Льва Александровича Юдина, позволяет анализировать его творчество для детей в контексте развития комикса» (С. 245), а автор статьи о рисунках на тему лагерей, Станислав Савицкий, считает своим долгом закончить ее словами, относящимися к террору: «В нем нет ничего исключительного, это такая же обыкновенная история, как какой-нибудь комикс» (С. 314), то в статье Александра Скидана про татуировки заключенных слово «комикс» даже не упоминается.

Показавшаяся мне наиболее интересной в этом сборнике работа М.В. Осориной «Рисованные истории в изобразительном творчестве детей и их зрительском опыте» тоже не про комиксы. Она представляет гораздо более обширный, чем отражено в ее названии, очерк развития рисования у детей (не только русских!) начиная с первых каракулей и до подросткового воз-

раста. Читатель найдет здесь и характеристику различных стадий детского рисования, и психологическую интерпретацию отдельных рисунков, и советы родителям. Учитывая почти полное отсутствие русскоязычной литературы по психологическому анализу рисунка, выход этой статьи может стать событием и в отечественной психологии, и в отечественных визуальных исследованиях.

Впрочем, название сборника «Русский комикс» все же накладывает определенную рамку на содержание его разделов: многие авторы рассуждают в своих статьях о том, почему комикса в России нет. Если читатель тоже задается этим вопросом (а читателю трудно не задаться им, поскольку «русского комикса» в книге действительно нет: даже если подобное явление существует¹, в книге оно почти не нашло отражения, в отличие от «протокомикса» и т.п. явлений), то он сможет выбрать из множества предложенных объяснений гипотезу себе по вкусу.

Как авторы обоих сборников выбирали изображения и артефакты для анализа? При чтении некоторых глав “*Picturing Russia*” складывается впечатление, что их «раздали» авторам или даже что авторы «вытянули» их в экзаменационном билете: их эссе выглядят так, словно написаны за короткое время и без возможности свериться с источниками. Например, (случайно оброненное автором?) утверждение, что большевики «продвигали местные языки и культуры всех советских народов» (А. Edgar, p. 182), не учитывает всех поворотов национальной политики на протяжении первых десятилетий советской власти. Словосочетание «арест и убийство Кирова» (“the arrest and assassination of the high-ranking Bolshevik Sergei Kirov in 1934”, E. Widdis, p. 179) может быть просто опечаткой. Все это мелочи, которые не относятся прямо к анализируемому авторами материалу.

Однако и анализ материала иногда оставляет у читателя впечатление неаккуратности. Карин Петрон в главе «Родина зовет?», основываясь на трех плакатах: «Россия и ее воин» времен Первой мировой войны, «Ты записался добровольцем?» Д. Моора 1920 г. и «Родина-мать зовет!» И.М. Тоидзе 1941 г., — пишет: «В обеих мировых войнах страну символизировала женская аллегорическая фигура; мужские образы доминировали во время Гражданской войны» (Р. 196). Если бы автор рассмотрела также плакаты Е.М. Чепцова 1916 г. «Подписывай-

¹ В 2010 г. вышла книга Хосе Аланиса «Comiks: искусство комикса в России» [Alaniz 2010], в которой первые две главы посвящены дореволюционному и советскому «протокомиксу», а оставшиеся шесть — современному русскому комиксу. Библиография [Alaniz 2010: 248–261] включает более ранние работы самого Х. Аланиса и других авторов о русских комиксах, а также ссылки на тематические интернет-ресурсы, например сайт <<http://www.comics.aha.ru/>>. Благодарю Дмитрия Яковлева за указание на эту книгу.

тесь на военный 5 % Заем. Чем больше денег — тем больше снарядов!» и Д. Моора «Ты чем помог фронту?» 1941 г., на каждом из которых мужчина в военной форме прямо обращается к зрителю, подобно красноармейцу с плаката 1920 г., вероятно, ее вывод был бы другим.

Читателю «Русского комикса» составители честно говорят о том, что изображения, которым посвящена книга, авторам «раздавали»: «“Не относитесь к этому сверхсерьезно — требуется всего полстранички, знаете, вводка, там, чуть-чуть истории, да и это необязательно, ну вы же понимаете, как без Москвы...” — так пытались уговорить первого из предполагаемых авторов этой статьи, критика К.» (С. 339). При этом авторы «Русского комикса», даже поневоле пишущие о том, о чем они писать, возможно, не хотели, ведут себя остроумнее своих западных коллег. Например, вместо традиционной статьи составляют из плакатов по гражданской обороне связное повествование в стиле школьного букваря (Андрей Клюканов, Йозеф Сагулин, «См. рис. Инструкция о жизни»). Не смешно, зато про войну.

«Экзаменационные эссе» их западных коллег иной раз не содержат чего-либо неизвестного «экзаменатору», т.е. читателю. В духе западной академической традиции автор каждой главы старается разгадать загадку, открыть глаза на то, что прежде не замечалось, и показать новые стороны знакомого явления. Подобно обманкам в альбоме Андрея Болотова и его ландшафтным «подвижным картинам», о которых идет речь в главе Томаса Ньюлина, главы “Picturing Russia” неожиданно открывают взгляду читателя скрытое за привычной внешностью. Однако перелистывая прочитанную книгу, я не могу сказать, что она перевернула мое представление о русской визуальной культуре. Прочитав Ньюлина: «Аккуратно поддерживая известную тематическую и философскую беспечность и возбуждая постоянное, но поверхностное любопытство, т.е. желание двигаться дальше (или перевернуть страницу), чтобы увидеть, что идет следующим, Болотов не давал путешественнику (а также читателю или потенциальному автору, просматривающему альбом) задержаться слишком долго, всмотреться слишком пристально или задуматься слишком глубоко» (Р. 73). То же можно сказать и о рецензируемой книге.

Некоторые разгаданные в книге загадки банальны: разве читатель главы «Старые грязные книги» Саймона Франклина сам, без подсказки автора, не догадается, что пятна свечного воска на книге показывают, какие страницы чаще всего открывали? Ричард Стайтс в главе «Круги на площади» (square — в оригинале игра слов), не мудрствуя лукаво, открывает при-

ехавшему в Санкт-Петербург иностранцу (“to the modern visitor of St. Petersburg”, p. 81) глаза на то, что находится за фасадами зданий и что тот и сам смог бы узнать, если бы попал на соответствующую экскурсию или купил билет в Русский музей.

Иногда загадка так и остается неразгаданной: в главе Стивена Норриса «Взятие Карса» вопрос о том, кто вернее определил государственную принадлежность изображенного на лубке знамени — помещик или его крестьяне, так и не получает ответа. Заинтригованный намеком на то, что снабжавшие армию крестьяне лучше помещика знали, как должно выглядеть знамя, читатель остается в недоумении, каким же образом флаг с двуглавым орлом мог быть не русским, а турецким.

Иногда автор не разгадывает, а загадывает загадку, ставя вопрос, который остается без ответа: «Меняет ли эта информация [о книге, в которой опубликованы рассматриваемые фотографии] наше мнение об этих фотографиях? Был ли Вишневецкий расистом? Являются ли эти фотографии расистскими? Какими глазами люди, читавшие “Чувашскую республику” в 1929 г., могли смотреть на эти фотографии? Насколько необычной была позиция Вишневецкого? Чтобы хотя бы начать отвечать на эти вопросы, нам понадобятся дополнительные советские и иные источники того времени» (Р. 161). Далее автор главы, Франсин Хирш, в одном абзаце кратко останавливается на истории советской физической антропологии (кратко по сравнению с общим объемом главы, которая в основном состоит из вопросов читателю) и заканчивает словами: «Эта информация может изменить наш взгляд на эти изображения, а может и не изменить» (Р. 161).

Иногда загадка, неожиданность и открытие в главе книги конструируются с помощью определенных риторических приемов, например когда оспаривается мнение неких (советских?) «историков»: «В течение многих десятилетий историкам было трудно писать о российском среднем классе» (С. Evtuhov, p. 117); «В русской литературе и истории есть стереотипное представление о старообрядцах: бородатые старики и женщины в платках, проводящие бесчисленные часы в церкви и спорящие о мирских (mundane) вопросах теологии» (R.R. Robson, E.V. Smilianskaia, p. 243). Опровергнуть стереотип легко: достаточно одного контрпримера. На трех страницах, которым равен средний объем главы книги, действительно можно ничего больше и не успеть. Едва ли этот объем вместит больше одного тезиса. Аргументируя, автор трехстраничной главы не имеет возможности вдаваться в подробности и разворачивать перед читателем полную картину: пока у него не закончилось печат-

ное место, он успевает только выхватить из картины одну деталь. Деталь непременно должна быть яркой, чтобы убедить читателя без длинных доказательств.

Неудивительно, что многие главы написаны не в привычном нам жанре научных статей: к этому толкает авторов формат книги. «Давайте перенесемся в середину XIX в. и по-новому взглянем на петербургскую Михайловскую площадь, известную с 1940 г. как площадь Искусств», — любезно приглашает читателя своей главы Ричард Стайтс. Иллюстрации к его тексту, у которых не указаны ни автор, ни источник, вполне соответствуют популярному стилю изложения.

Кажется, что к школьникам обращается Стивен Норрис в главе «Взятие Карса», которая начинается словами: «Когда в 1878 г. на Балканах разгорелась война между Россией и Оттоманской империей, крестьяне деревни Батищево около Смоленска с радостью принимали у себя странствующего торговца. Их гость, Михайла, принес с собой изображения войны на продажу крестьянам, у многих из которых воевали родственники или друзья. Чтобы соблазнить своих покупателей, Михайла вытащил несколько любимых картинок из своего собрания и стал рассказывать своим слушателям, что на них изображено» (Р. 109).

А глава «Посох Стефана Пермского» А.В. Чернецова построена как статья из энциклопедии: в ней содержится краткая биография Св. Стефана, описание артефакта, его датировка, его значение для реконструкции жизнеописания святого и истории региона, примеры изображений и краткая библиография.

Представляется, что наилучшим образом использовали свои три страницы авторы, сочинившие изящное эссе (глава «Личное и имперское» Кристофера Эли) или сосредоточившиеся на решении очень узкой проблемы, например вопроса о том, почему Иегова в антирелигиозной пропаганде 1920-х гг. изображался одноглазым (глава Роберта Уэйнберга «Советские образы Иеговы 1920-х гг.»).

Достоинством трехстраничной формы является то, что небольшой объем заставляет автора формулировать лаконично и емко, не вдаваться в излишние детали, а фокусироваться на главном. Недостатком же является обратная сторона этой краткости — не всегда обоснованные обобщения. Когда на трех страницах автору нужно сказать нечто небанальное о всем известном предмете, он поневоле начинает искать яркие и неожиданные идеи, которые порой не находят подтверждения в материале. Так, в главе Дэвида Рансела о купеческих портретах артикулирован тезис о том, что купеческий портрет был словным маркером, отталкивался от дворянского и потому

эволюционировал в противоположную дворянскому портрету сторону — в сторону плоскостности, двумерности. Тезис высказывается убедительно, с примерами, и выглядит вполне доказанным. Однако знакомство с литературой, названной в небольшой библиографии в конце главы, с одной стороны, демонстрирует, что предшественники автора не смогли сформулировать этот тезис так же убедительно и доступно для читателя, как сам автор, а с другой — что не все было так просто с дворянским и купеческим портретом. В XVIII в. дворянский портрет отнюдь не был единообразным: так, портреты провинциальных дворян кисти местных мастеров по многим признакам отличались от столичной живописи своего времени. Статичные позы, парадная одежда и плоскостная трактовка фигур сближают дворянский провинциальный портрет с купеческим, противопоставленным ему в рассматриваемой главе.

Сборник “*Picturing Russia*” можно порекомендовать иностранному читателю, но не специалисту-слависту, для которого в книге маловато ссылок и помещенная в конце «Хронология русской истории» будет лишней. Сборник «Русский комикс», напротив, можно порекомендовать русскому читателю, который не очень знаком с иностранной литературой по теме и с интересом прочтет в статье Анатолия Барзаха «О поэтике комикса» о западных исследованиях феномена комикса (впрочем, автор несколько раз извиняется перед читателем за то, что повторяет «некоторые общеизвестные и многократно в литературе о комиксах проэксплуатированные вещи» (С. 45, прим. 1)).

Для иностранных студентов, изучающих русскую культуру, глава “*Picturing Russia*” как раз такого объема, какой они смогут прочесть, будет достаточна для первого знакомства с предметом. Моим же русскоязычным студентам придется читать 63-страничную статью М.В. Осориной из «Русского комикса», которую я с удовольствием включу в ридер.

Иностранному читателю, уже наученному внимательно относиться к материальности изображения (см., например: [Edwards, Hart 2004]), будет близка осязаемая тактильность рассматриваемых объектов в “*Picturing Russia*” и даже внимание к издаваемым ими звукам и запахам: «Фотографии <...> не могут воспроизвести звуки церковной службы, плач родных, корабельные гудки. Они не могут передать давление толпы, пришедшей на годовщину битв, процессии на реке и запах ладана. Все это было неотъемлемой частью восприятия церкви как военного мемориала» (N. Kizenko, p. 127). Выпуклая материальность “*Picturing Russia*” противоположна подходу «Русского комикса», где материальный носитель изображения не имеет значения: картинки обсуждаются так, как будто неваж-

но, отпечатаны они или нарисованы от руки, главное — что именно на них изображено (такой подход еще нередко встречается в отечественных визуальных исследованиях).

Иностранному читателю “Picturing Russia” будет импонировать стремление связать рассматриваемый объект с каким-нибудь теоретическим концептом, например табакерку через ма-сонские символы на ней с гражданским обществом (глава Дугласа Смита «Демонстративное потребление при дворе Екатерины Великой: табакерка графа Захара Чернышова»). А русского позитивиста в «Русском комиксе» устроит чистая фактология статьи Глеба Маркелова «Посмотри, здесь весело!» (для русского постмодерниста в книге найдется «См. рис. Инструкция о жизни», о чем уже было сказано, и статья «Фильмоскоп, фантаскоп и скопическое влечение» Виктора Мазина, которой наилучшим образом подходит определение фантасмагории, данное автором на с. 180). Если каждую из двух книг будет читать «свой» читатель, то не будет ни недовольных, ни разочарованных.

Библиография

- Янковская Г.* Рец. на кн.: Valerie A. Kivelson and Joan Neuberger (Eds.), *Picturing Russia: Explorations in Visual Culture* (New Haven; L.: Yale University Press, 2008). xv+284 pp.; ill., maps. ISBN: 978-0300-119-619 // *Ab Imperio*. 2009. № 1. С. 439–447.
- Alaniz J.* *Komiks: Comic Art in Russia*. University Press of Mississippi, 2010.
- Edwards E., Hart J.* (eds.). *Photographs Objects Histories: On the Materiality of Images*. L.; N.Y.: Routledge, 2004.

Ольга Бойцова